

рии, смотрели на него, как на святого; сестра же Мария, зная истинную причину» тих слез, от всего сердца молила Пресвятую деву покарать того, кто глумился над девичьим целомудрием.

Так этот лицемер вернулся ни с чем в монастырь Сен-Мартен. Воспылавшая в его сердце страсть и там продолжала жечь его денно и ночью, и он только и думал о том, какими путями достичь своей цели. А так как паче всего он боялся аббатисы, которая была женщиной строгих правил, он стал придумывать, как удалить ее из этого монастыря. Он отправился к графине Вандомской, которая находилась тогда в замке Ля Фер, где она основала бенедиктинский монастырь, получивший название Мон-д'Оливе. Когда почитавшийся высшим духовным авторитетом приор убедил графиню, что аббатиса упомянутого монастыря недостаточно опытна, чтобы возглавлять столь большую обитель, графиня попросила его прислать им другую, более достойную этой должности.

Приору этого только и было надобно, и он посоветовал ей взять к себе аббатису из монастыря Жиф, уверяя, что во всей Франции лучше ее им никого не найти. Графиня Вандомская тут же послала за нею и вверила монастырь Мон-д'Оливе ее попечению. Тогда приор, к голосу которого все прислушивались, добился того, что во главе Жифского монастыря была поставлена угодная ему аббатиса. И он снова поехал в Жиф, решив еще раз попытаться мольбами и лаской сломить упорство сестры Марии Эроз. Но, убедившись, что все его усилия напрасны, вернулся опять в свой монастырь Сен-Мартен. Там, для того чтобы достичь своей цели и отомстить той, которая так жестоко о нем обошлась, а также боясь, как бы кто-нибудь не проведал о его домогательствах, он придумал новую хитрость: выкрыв ночью святыне из Жифского монастыря, он обвинил в этой краже тамошнего духовника, человека старого и глубоко порядочного, и велел заточить его в тюрьму монастыря Сен-Мартен. И уже после того, как это было сделано, подговорил двоих свидетелей, которые по неведению своему подписали все, что от них потребовал господин их, приор. А написано было, будто бы они застали в одном из монастырских садов означенного духовника вместе с сестрой Марией за совершением непотребного действия. И приор хотел, чтобы несчастный старик сам признался в своей вине. Тот, однако, отлично знал все проделки приора и поэтому попросил его созвать капитул, добавив, что готов перед всеми рассказать истинную правду о том, что было. Боясь, что, оправдывая себя, духовник изобличит его самого, приор отказался удовлетворить его просьбу. А видя, что старик не сдастся, он стал так жестоко с ним обращаться, что, по словам одних, тот умер в тюрьме, а по словам других, приор принудил его оставить монашество и, переодевшись в мирскую одежду, покинуть пределы Франции. Что бы там ни было, с тех пор его больше никто не видел.

Когда приор увидел, что Мария в его руках, он отправился в монастырь и, так как новая аббатиса, которую он туда поставил, ни в чем ему не перечила, решил воспользоваться своим правом визитатора конгрегации и стал вызывать к себе в комнату монахинь одну за другой, чтобы выслушать каждую. И когда очередь дошла до сестры Марии которая лишилась своей доброй покровительницы, он обратился к ней с такими словами:

– Сестра Мария, ты знаешь, в каком тяжком преступлении тебя обвинили. Хотя ты и разыгрываешь из себя невинную девушку, притворство твое ни к чему не приведет, всем известно, как ты себя вела.

На это сестра Мария, не дрогнув, ему ответила:

– Позовите сюда того, кто хочет меня обличить, и вы увидите, посмеет ли он в моем присутствии повторить свою клевету.

– Никаких доказательств нам не надо, – сказал приор, – достаточно того, что духовник сам во всем сознался.

– Духовник наш такой благородный человек, – воскликнула сестра Мария, – что он на это никак не способен. Но если вы настаиваете на своем, то пусть он придет сюда – и я докажу вам, что это ложь.

Видя, что ему ничем не удастся ее запугать, приор сказал:

– Я твой духовный отец и хочу спасти твою честь. Если ты не хочешь совершить смертный грех, заклинаю тебя, скажи мне правду, действительно ли, принимая обет монашества, ты была девственницей?

– Святой отец, – ответила Мария, – ведь я с пяти лет живу в монастыре, разве этого недостаточно, чтобы убедить вас в моей невинности?

– Допустим, что это так, дочь моя, – ответил приор, – но разве с тех пор никто не мог лишить